

СТАТЬИ

Лев Сигал

КОНЕЦ ЭПОХИ ЯСНОСТИ

Существует, на мой взгляд, общесоциологический закон, согласно которому те представления, которые господствуют в обществе *сегодня*, возникают под воздействием явлений общественной жизни, произошедших *вчера*. Это особенно ясно выражено в том, что можно наблюдать в сфере общественного сознания в СССР за эти пару лет. Хотя официальным газетным клише стало заявление, что сейчас, дескать, многое переосмысливается, по существу просто выходит на поверхность и приобретает легальный статус все то, что в предшествующий период относилось к сфере андерграунда: представители интеллигенции один за другим достают из-за пазухи годами хранившиеся там камешки; действительно же новые подходы еще только-только начинают формироваться. Словом, в настоящее время доминируют те представления, которые сформировались в период, официально именуемый ныне периодом застоя (70-е — первая половина 80-х годов). Как остроумно заметил В. Войнович (русский писатель, эмигрировавший из СССР): „Горбачев — отец перестройки, а Брежнев — ее дедушка”.

Для интеллигенции, ориентированной на либерально-демократические ценности, предшествовавшая эпоха была эпохой ясности. Баррикадное мышление стало не только атрибутом официальной идеологии, но и неотъемлемой чертой мировоззрения сотен явных и миллионов скрытых ипакомыслящих. Мы определяли себя лишь в качестве противников *status quo*, наши положительные идеалы мы видели там, где, как нам казалось, воплощены принципы, противоположные тем, на которых

базировался режим, при коем мы жили. И сегодня значительная часть интеллигенции ориентируется на ценности либеральной демократии (как правило, в сочетании с частным предпринимательством в более или менее ограниченном объеме), не имея реальной возможности на себе почувствовать, как будут работать эти принципы в условиях СССР. Не имея возможности опереться на какую-либо альтернативу в самой жизни, мы искали альтернативы в сфере идеологической. Отсюда популярные сегодня ретроспективные утопии: „Хотим жить как до 1929 г. (вариант: до октября 1917 г.)” или надежда на „новое небо и новую землю”: „Хотим жить как в США (вариант: как в Швеции)”. Мы достаточно ясно представляли и представляем, чего мы не хотим, наши положительные идеалы — результат негативной филиации идей.

Наши представления — результат существовавшего десятилетиями сверхмонополизма в идеологической сфере и массивной индоктринации. Они являют собой причудливую амальгаму из характеристик конкретных явлений, противоположных официально принятым, и во многом общей с официозом психологической основы. Многие популярные в нашей среде установки преемственны усвоенным официальной идеологией представлениям российских революционеров-демократов (нигилистов) XIX века и западноевропейских левых радикалов и социалистов прошлого столетия. Вот примерный набор этих стереотипов: власть всегда враждебна народу, народ всегда прав, власть всегда неправа (так трактовала официальная идеология всю зарубежную историю и действительность, а также всю отечественную историю до 1917 г.); народовластие — единственно справедливая форма общественного устройства; социальное и имущественное равенство — безусловно справедливо; центральная власть всегда угнетает малые народы, входящие в состав многонационального государства, поэтому центробежные устремления в среде этих народов всегда должны вызывать симпатии честных людей; государство вообще являет собой зло и должно отмирать; власть многих лиц вообще предпочтительней власти одного лица; общественное зло может победить только революция и только в форме всенародного вооруженного восстания; преобразования должны быть радикальными, ос-

торожные реформы и компромиссы неприемлемы, после революции немедленно наступит царствие всеобщего благоденствия.

Таковы некоторые расхожие представления. Иные взгляды мы нередко склонны характеризовать как „реакционные”, как „мракобесие” или, по меньшей мере, как „олпортунизм”. Это естественный результат практиковавшейся десятилетиями в нашем тоталитарном обществе системы промывания мозгов: довольно часто у нас в сознании можно обнаружить ту же картину мира, что и проповедовавшаяся официозом, но в вывернутом нанзанку виде. Ярким примером того, какую амальгаму являет собой мировоззрение советского инакомыслящего, может служить позиция „Демократического союза” — неформального объединения, насчитывающего примерно по сотне членов в Москве и Ленинграде и еще несколько сот в других городах, объявившего себя „оппозиционной тоталитаризму политической партией” и приобретшего достаточно шумную известность. Декларируемые им цели (многопартийность, независимые пресса и профсоюзы, многоукладность экономики и т. д.) создают впечатление, что мы имеем дело с либералами прозападнического толка, однако стиль аргументации, образ действий и организационная основа этой „партии” лежат в русле традиции русского революционного народничества, порождением которого и явился, кстати, большевизм (оговорим здесь лишь то, что „Демократический союз” декларирует исключительно ненасильственные методы: как-никак XX век на исходе — бомбисты не в моде). Лидер этого объединения Валерия Новодворская нередко прямо подчеркивает эту преемственность, заявляя, что с большевиков следует брать пример в их категорическом неприятии тогдашнего истэблшмента (т. е. царского режима).

Еще Николай Бердяев отмечал, что русский человек рассматривает обычно свое государство как нечто *трансцендентное*, в то время как в Западной Европе оно воспринимается как *имманентное*. Таким образом, писал он, русский человек *апокалиптик* или *нигилист*. Все это вдвойне относится к homo soveticus. Мы ощущали и продолжаем ощущать сегодня то, что в веховских кругах именовалось отщепенством. Для нас есть „они” (власти, партийно-государственный аппарат и его подпевальи) и „мы” (народ, демократическая общественность, оппозиция),

между нами — стена. Они — за „укрепление существующего строя”, мы — за „свержение существующего строя”, они — коммунисты, мы — антикоммунисты. До самого недавнего времени с определением „свой—чужой” все было предельно ясно: все пегально существующее в общественно-политической и идейной сфере (а *легальный* уровень был *идентичен официальному* уровню) — царство зла и тьмы, весь противный официозу андерграунд — царство добра и света. Естественно, что эта стена носит чисто идеологический, т. е. весьма условный характер и мало соотносится с реальной политикой (как провести грань между реформами, укрепляющими „существующий строй” и разрушающими его?). Но для нас этот идеологический аспект крайне важен — и для „нас”, и для „них”: недаром Горбачев настойчиво подчеркивает, что его реформы направлены на укрепление социализма. И сегодня по-прежнему существует понятие „сторонник перестройки”, т. е., человек вполне лояльный, наряду с „антисоветчиком”, т. е., человеком крайне нелояльным, хотя грань между этими понятиями постепенно размывается (Народно-трудовой союз — существующая с 1930 г. политическая организация русских эмигрантов с центром в ФРГ — и ныне, в эпоху перестройки, официально характеризуется в СССР как „враждебная” и „подрывная” организация).

Все вышеизложенное написано для того, чтобы дать зарубежному читателю представление о специфике видения мира усредненным советским интеллигентом-инакомыслящим. Коротче говоря, в нашем сознании все социальные конфликты сливались в один: *конфликт общество—власть*, духовный истэблишмент и духовный контристеблишмент. Но вот власть стала постепенно разжимать тиски тотального контроля. И сегодня мы видим, что по мере продвижения страны в направлении модернизации и либеральных реформ неизбежно нарастают и обостряются конфликты *в самом обществе*. Прежде нам казалось, что власть выражает исключительно интересы бюрократической прослойки и держится только на страхе и тотальной дезинформации. Теперь чем дальше тем больше нам придется признавать, что власть удерживала различные части общества, интересы которых в ряде аспектов объективно противоположны, от противоборства, обеспечивая *насильственный консенсус* (к сожалению,

нередко по принципу „тащить и не пущать”). Стоило власти минимально ослабить тотальный контроль (политика „гласности” и „демократизации”), как эти объективно заложенные в обществе конфликты интересов стали вырываться наружу в резко обостренной форме.

В советском политическом жаргоне есть такое выражение: „горячие точки планеты”, т. е. районы международной (и межэтнической) напряженности и политической нестабильности. Сегодня все больше эти „точки” следует искать на карте нашей страны. События развиваются столь стремительно (и, увы, в соответствии с нашими мрачными прогнозами), что опережают возможность проанализировать их в текстах. Буквально на глазах предельно актуализируются новые и новые конфликты. Осознавая всю условность подобной классификации, я бы выделил три типа конфликтов, уже начавших реализовываться и потенциальных: во-первых, межнациональные конфликты; во-вторых, противоречие между растущим социальным расстройством и представлениями о социальной справедливости; в-третьих, столкновение процесса интернационализации и патриотической психологии.

Попробую сколь возможно сжато охарактеризовать эти конфликты. На поверхности межнациональные противоречия. Алма-Ата, декабрь 1986: покатился первый ком обрушившейся сегодня лавины; в значительной мере благодаря демонстративному эффекту, сейчас, пожалуй, не найти в СССР региона или народности (а их в СССР проживает более сотни), где не были бы поставлены национальные проблемы. Тот факт, что именно национальный вопрос вышел на первый план, объясняется, по-моему, тем, что национальность — это единственная форма общности людей, сохранившаяся в условиях тотального деклассирования, произошедшего в результате социальных преобразований, осуществленных революцией и последующим ходом исторического развития страны.

Согласно нашим стереотипам, следовало ожидать одного: противоборства центральной власти с народностями империи. Но реальная ситуация не укладывается в рамки схемы, состоящей лишь из двух элементов. Столичный интеллигент, находясь на позициях абстрактно-всеобщего и не выражая чьих-либо

специфических интересов, будучи человеком непредвзятым, оказывается в затруднительном положении: какой из конфликтующих сторон отдать все свои симпатии и предпочтения? Если безоговорочно поддержать национальное движение армян, то как быть с азербайджанцами? (Ситуация во многом симметрична, особенно с ноября 1988 г. и тут, и там многотысячные митинги и забастовки, военное положение и аресты по политическим мотивам). Если безоговорочно признать справедливость грузинских требований, то как быть с абхазами и другими народностями, населяющими Грузию? Если безоговорочно солидаризоваться с коренным населением Прибалтики, то как отнестись к протестам русскоязычного населения, объективно находящегося в известной степени под угрозой дискриминации в этих республиках?

Стоит призадуматься и о социальных последствиях намечающихся и проводимых экономических реформ. Вчера нам казалось, все проблемы разрешаются автоматически с переходом к рыночной экономике; сегодня мы слышим от одного из наиболее известных в СССР экономистов — Г. Х. Попова — с трибуны Съезда народных депутатов заявление, что перестройка экономических отношений в условиях роста благосостояния есть самообман. Угрожает резко возрасти инфляция; безработица, де-факто и прежде существовавшая в СССР, может принять внушительные масштабы. Все это — при отсутствии таких предохранительных систем, существующих на Западе, как независимые профсоюзы, развитая система социального страхования и т. п. Политика рационализации вступает в противоречие и с традиционными российскими представлениями об уравнительной социальной справедливости: например, работающие на конвейере теряют в зарплате из-за нерентабельности предприятия в целом (это послужило, в частности, причиной короткой забастовки в феврале 1989 г. в Москве на автомобильном заводе имени Ленинского комсомола). Недавно возникшие кооперативы (по существу, частные предприятия) несут в некоторой своей части спекулятивно-воровской отпечаток, что вызывает раздражение многих. На Съезде народных депутатов было немало выступлений с критикой кооперативов. На этой основе поваяло конфронтацией рабочих и интеллигентов, „черной

кости” и „белой кости” (по словам одного из депутатов, профессор не будет защищать интересы рабочего). Известное противодействие и всплеск патриотических чувств вызывает расширение сотрудничества с западными фирмами (например, протесты против полета японского журналиста на советском космическом корабле).

Все эти противоречия лишь условно разделены по группам — в реальности национальный, социальный и идейный аспекты сплетаются в единый тугой узел. В Туркестане в начале мая прошлого года толпа громила заведения армян-кооператоров (очевидно, и как армян, и как кооператоров). В Прибалтике налицо конфронтация русских рабочих и „белых воротничков” коренной национальности (в Эстонии и Латвии русские составляют 75–80% рабочего класса). Когда конфликт интересов приобретает масштаб политической конфронтации, каждой из сторон необходимо свое знамя, каждая должна заявить о своей приверженности тому или иному набору символов. Народные фронты в Прибалтике апеллируют к социал-демократическим и либеральным идеалам прозападнического толка, на долю Интердвижения выпадают красные тона идеологического спектра.

Объем статьи не позволяет детально характеризовать назревающие в обществе конфликты и делать прогнозы. Перейдем к изложению главного вывода. Недавно один мой знакомый донес до меня слух, подхваченный им на Пушкинской площади (это место примерно год тому назад стало своего рода неофициальным московским Гайд-парком): японские компьютеры подсчитали, что в 1990 г. велика вероятность того, что в СССР разразится гражданская война. Сам факт циркулирования подобных слухов показывает, сколь накалена атмосфера. Конфликт интересов — закономерное явление во всяком обществе, однако у нас в стране общество не выработало навыков цивилизованного разрешения подобных конфликтов (обычно обе стороны апеллируют к центральной власти: „барин нас рассудит”). Поэтому всякая конфронтация не может не вызывать беспокойства. Поэтому пора распространиться с ясностью баррикадного мышления. Поэтому *сегодня смелость падает в цене, а ум возрастает*. Решительные, но в то же время продуманные

реформы должны проводиться ради стабильности, ради консенсуса. Следует ли из этого, что Горбачеву, т. е. авторитаризму, связанному с партократией, нет альтернативы, или нам суждено пройти через полосу политической нестабильности, в завершение чего установится новый режим, в той или иной степени демократический, либо в той или иной степени авторитарный, есть предмет специального анализа. В любом случае необходимо реже задира́ть голову кверху и чаще озира́ться вокруг. Гражданское общество должно стремиться к смягчению конфликтов между его членами, дабы не провоцировать государство пускать в ход дубинку. А это значит *audiatur et altera pars*, это значит *переговоры*, это значит *компромисс*.